

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 329

БАЗОВЫЕ ТИПЫ ПАРТИЙНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ НА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.В. БРОДОВСКАЯ
М.А. ВАРФОЛОМЕЕВ

*Тулский государственный
университет*

e-mail: brodovskay@inbox.ru

e-mail: max-varfolomeev@yandex.ru

В статье акцентируется внимание на сложности демократических процессов и особенностях формирования институциональной структуры общества, где необходимыми факторами достижения консолидации демократии является дискурс транзитивного типа политических систем. Особое значение уделяется консолидационному потенциалу партийных элит как одному из структурных компонентов процесса консолидации демократии, где функционирование режима гибридного типа в существенной мере обусловлено лимитированностью механизмов воспроизводства политической системы.

Ключевые слова: консолидация общества, транзитивный путь развития, общественное согласие, дискурс политической элиты.

Успешность демократического транзита в посткоммунистических обществах неотъемлемо связана со становлением и развитием партийной системы. Опыт реформ в странах Вышеградской группы, Балтийского, Балканского субрегионов Европы показывает, что характер партийной системы является важнейшим индикатором качества и степени консолидации демократии. Под партийной консолидацией понимается процесс функционирования партийной системы на основе достижения институционального, процедурного и ценностного консенсуса основных субъектов. Иными словами, сформированность института политических партий, готовность большинства из них соблюдать нормы и правила взаимодействия и гомогенность ценностных ориентаций и установок партийных элит являются главными параметрами партийной консолидации.

В современной политической науке сложились различные подходы к исследованию типов партийной консолидации. В классической транзитологии, на начальных этапах ее развития, распространенной была позиция, согласно которой результат транзита (а, следовательно, и партийной консолидации) зависел во многом от формы перехода. На основании такого критерия, как соотношение сил между правя-

щими и оппозиционными группами, Т.Л. Карлом и Ф. Шмиттером были выделены четыре формы перехода к демократии:

– «навязанный переход», для которого характерно наибольшее рассогласование между первоначальными ожиданиями инициаторов перемен и реальным развитием событий (Россия, Украина, Белоруссия, Албания и др.);

– «реформистский переход», связанный с массовой мобилизацией, при которой преобразования осуществляются благодаря существенному давлению низов на правящие группы (Армения, Сербия, Словения, Хорватия, Грузия, ГДР и др.);

– «пактированный переход», состоящий в заключении пактов, соглашений, в которые оказываются вовлеченными правящие группы прежнего режима, а также те, кто был отстранен от власти или вообще не обладал никакой властью (Польша, Чехия, Венгрия, Болгария и др.);

– демократизация путем революции (Румыния)¹.

Исходя из предложенной классификации, можно предположить, что политические пакты играют в процессах демократизации исключительно положительную роль и способствуют консолидации политического режима, так как компромиссные стратегии наносят меньше ущерба для акторов, чем силовые и непосредственным следствием их заключения является формирование коалиции большинства. Соответственно, с одной стороны, пактированный переход создает наиболее благоприятные условия для партийной консолидации, тогда как с другой – опыт ряда посткоммунистических стран доказывает, что успешное завершение транзита возможно и вне пакта. В частности, Балканские страны, осуществившие реформистский переход – Словения, Хорватия, Сербия, Македония, Босния и Герцеговина, характеризуются разным качеством демократии. И, конечно, показательным в данном случае является пример Румынии, где революционная демократизация не стала препятствием для приближения страны к разряду консолидированных демократий. Взаимообусловленность формы и результата демократического транзита очевидна только в Болгарии, единственной стране субрегиона, в которой, как и в государствах Вышеградской группы, был реализован пактовый вариант межрежимного перехода².

Кроме того, отсутствие прямой зависимости между итогами транзита и пактированием подтверждается многообразием видов пактов. Так, учитывая значение политических партий после заключения пакта, А. Пшеворский выделяет: 1) пакты, формирующие правительственные учреждения независимо от результатов выборов; 2) пакты, исключающие, а при необходимости и подавляющие аутсайдеров; 3) пакты, определяющие ценностно-ориентационное единство элит³.

Отталкиваясь от представленного мнения, обозначим следующие виды взаимосвязи процессов партийной консолидации и пактирования. Первый случай является примером несформированности базовых параметров (институциональных, процедурных, ценностных) консолидации; второй – демонстрирует достижение исключительно институционального уровня консолидации, так как акторы игнорируют правила демократической конкуренции; третий – свидетельствует о наличии всех трех составляющих консолидационного процесса. Однако, несмотря на дифференци-

¹ Шмиттер Ф. Процессы демократического транзита и консолидации демократии // Полис. 1999. № 3. С. 31; Карл Т.Л. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 4. С. 14.

² Бродовская Е.В. Результативность посткоммунистических трансформаций в странах Балканского субрегиона Европы // Dwadziecia lat transformacji w regionie Europy Srodkowo-Wschodniej i Poudniowej. Lodz, 2010. P. 113-124.

³ Пшеворский А. Демократия и рынок // Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е. Хренов. СПб., 2006. С. 419.

рованность пактовых переходов, А. Пшеворский не рассмотрел возможности партийной консолидации вне пакта.

В качестве основных факторов, влияющих на степень институционализации партийных систем посткоммунистических стран, А. Мелешевич⁴ рассматривает внешнюю автономию партийной системы и внутреннюю стабильность. Автономия измеряется с помощью трех показателей: роль политических партий в рекрутировании кадров для законодательной ветви власти; роль политических партий в формировании исполнительной власти; сила партии и единообразие этой силы в различных регионах страны. Внутренняя стабильность, предполагает, что система должна демонстрировать паттерны взаимодействия между своими элементами, что можно измерить с помощью процента голосов, полученных партиями на выборах разного уровня и в разные периоды времени, а также с помощью индекса электоральной неустойчивости Педерсена⁵.

По итогам исследования А. Мелешевич приходит к выводу, что Эстония, Латвия, Литва, Россия и Украина демонстрируют совершенно различные модели институционализации партийных систем. Эстония является единственной страной, демонстрирующей устойчивое и последовательное движение к автономной и стабильной партийной системе. По сравнению с Эстонией партийная система Латвии менее устойчива: на всех выборах участвуют новые партийные образования, получающие, по меньшей мере, треть голосов избирателей. Что касается партийной системы Литвы, то здесь ситуация неоднозначна: при довольно высоком уровне автономии можно наблюдать низкий уровень стабильности.

Показательным является пример стран Балканского субрегиона Европы. С одной стороны, «все государства региона (за исключением особого случая – Сербии) с начала 1990-х годов стремятся в Европейский союз и НАТО, и только от самих этих организаций зависит скорость интеграции. Болгария и Румыния уже стали членами данных евро-атлантических структур. Македония и Хорватия имеют статус кандидатов на вступление в ЕС. С Албанией, Черногорией и Сербией подписаны, а с Боснией и Герцеговиной парафировано соглашение о стабилизации и ассоциации с Евросоюзом. Кроме этого, он является основным экономическим партнером большинства Балканских стран. Членами НАТО вот-вот станут Албания и Хорватия»⁶ (с 2009 г. вошли в состав НАТО).

Вместе с тем, опыт Албании и Македонии доказывает, что евроинтеграция может рассматриваться как некое благоприятное условие для партийной консолидации, однако более важное значение, на наш взгляд, имеют институциональные особенности политической системы. В частности анализ ряда индексов демократического развития⁷ позволяет выделить взаимообусловленность потенциала влияния парламента, статуса института президентализма, типа политического режима. Сочетание указанных факторов создает среду для партийной консолидации, которая имеет серьезное значение на начальных этапах транзита, так как снижает конфронтацион-

⁴ См.: Meleshevich A. Party Systems in Post-Soviet Countries: A Comparative Study of Political Institutionalization in the Baltic States, Russia, and Ukraine. New York, 2007.

⁵ Индекс Педерсена (P). Для его получения нужно сложить все изменения в долях парламентских мест или голосов, полученных партиями на двух выборах, а сумму разделить на два. См.: Елисеев С. М. Социальные расколы и институциональные условия консолидации партийных систем в период демократического транзита [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/librgay> – Загл. с экрана.

⁶ Кандель П.Е. Балканизация Европы vs «европеизация» Балкан // Россия в глобальной политике. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/32/9773.html>.

⁷ См.: Индекс PPI – Индекс власти парламента /Fish M. Steven, Stronger Legislatures, Stronger Democracies // Journal of Democracy. 2006. Vol. 17; Индекс формы правления - ИФП = През.И – Парл.И: разность между индексами полномочий президента и парламента в системах с всенародно избираемым президентом. См.: Зазнаев О. Индексный анализ полупрезидентских государств Европы и постсоветского пространства // Полис. 2007. № 2. С. 146-165; Категория Diamond // Diamond L. Can the Whole World Become Democratic? // Democracy, Development and International Policies, 2003.

ность конкурирующих элитных групп. При достижении демократической консолидации, партийная консолидация не играет существенной роли, так как политическая система способна воспроизводиться даже в кризисных ситуациях (например, Польша после событий 11 апреля 2010 г.).

Так, в странах, относящихся к категории систем успешно завершивших транзит (Болгария, Венгрия, Польша, Словения, Словакия, Чехия и др.), мы можем наблюдать сочетание высоких показателей величины Индексов РРІ (власть парламента) (колеблется в пределах 0, 66 – 0,78), формы правления (от -1 до -6 соответственно) в условиях функционирования либеральной демократии. В большинстве указанных государств начало транзита сопровождалось формированием признаков партийной консолидации. В странах, в которых транзит еще не завершен, но продолжение этого процесса признается необратимым (Латвия, Хорватия, Эстония и др.) наличие аналогичных показателей сопряжено с процессами партийной консолидации, что стабилизирует воспроизводство политической системы. Следовательно, обобщая опыт успешных демократических транзитов в ряде европейских стран, можно выделить органичный тип их партийной консолидации, связанный с необходимым набором институциональных и процедурных предпосылок.

Органический тип партийной консолидации может проявляться в разных формах. Так, И.Н. Тарасов⁸ выделил следующую периодизацию формирования конкурентной партийной системы посткоммунизма в ЦВЕ:

- первый период (1989-1990/1991 гг.) охватывает время от ликвидации монополии компартий на власть до момента распада широких демократических движений;
- второй период (1991-1997/1998 гг.) характеризуется двумя противоположными тенденциями: во-первых, нестабильностью партийных систем, во-вторых, стремлением ведущих политических сил утвердить собственное доминирование на политической сцене;
- третий период (начиная с 1998 г.) демонстрирует тенденцию к стабилизации партийной системы и «стандартизации» политических партий.

Различия в динамике избирательного законодательства, изменениях расстановки политических сил в период трансформации, в кондиции избирательных систем и профессионализме парламентариев предопределили особенности партийной консолидации. По оценкам автора, в Венгрии и Чехии функционируют «стандартные» двухблоковые партийные системы, в которых линии размежевания проходят между социал-демократами и консерваторами. В Польше складывается относительно равновесная система партийных взаимоотношений блоков левых и правых сил. Современная партийная система Словакии характеризуется явным отставанием в формировании стандартных межпартийных отношений. Основным фактором, повлиявшим на замедление процесса стандартизации политических субъектов в этой стране, является длительное доминирование на политической сцене Движения за демократическую Словакию. По темпам трансформации партийная система Чехии и Венгрии представляет авангардную модель, приближающуюся по основным характеристикам к западноевропейскому типу. Учитывая страновые различия в уровне межпартийной конкуренции, Польша и Словакия представляют арьергардную модель.

В странах, где транзит не завершен или безуспешен, встречаются неорганические типы партийной консолидации. В условиях не благоприятных для сохранения демократического вектора развития (низкий показатель Индекса РРІ; значительная величина Индекса полномочий президента и гибридность политического режима), основой для партийной консолидации является не столько интеграция элит вокруг демократических ценностей, сколько стремление обеспечить воспроизводство власт-

⁸ См.: Тарасов И.Н. Институциональное развитие посткоммунистических политических систем стран Центрально-Восточной Европы: сравнительный анализ. Автореф... д-ра полит. наук. Саратов, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/politich/2009/27-07/TarasovIN.doc>. - Загл. с экрана.

ного статуса в рамках сложившейся политической системы (Россия, Казахстан, Азербайджан и др.).

Партийная консолидация неорганического типа предполагает существование системы «навязанного консенсуса», связанной с определенным ограничением конкуренции в обмен на гарантии сохранения властных статусов и ресурсов. Этой системе соответствует моноцентрический политический режим, в котором базовым институтом воспроизводства политической системы является институт президентализма. Партийная консолидация обозначенного типа, как правило, отражает доминирование государственных институтов над структурами гражданского общества.

Представители транзитологии в целом по-разному оценивают роль гражданского общества в процессе демократизации. Так, среди базовых функций институтов гражданского общества в условиях демократических переходов исследователи (Л. Даймонд, Г. Силиман, Г. Нобель и др.⁹) выделяют:

- формирование системы сдержек потенциального превышения полномочий государством;
- развитие и сохранение гражданской культуры;
- активизацию политического участия;
- повышение уровня самоорганизации общества;
- содействие развитию демократических институтов (таких, как политические партии, парламентаризм, местное самоуправление и др.).

Ф. Шмиттер определяет мобилизацию деятельности структур гражданского общества важнейшим межстадиальным фактором перехода от либерализации (освобождения от ограничений авторитарного режима) к демократизации (формированию демократических норм, процедур, институтов)¹⁰. Некоторые авторы подчеркивают значимость сформированности и зрелости гражданского общества на завершающих этапах транзита. Например, по мнению С.А. Горбатова, задача гражданского общества заключается не в трансформации политического режима, а в демократизации социума. Он считает, что в современной политике наиболее видимые и влиятельные акторы такие, как НКО, скорее консолидируют и поддерживают демократию, а не иницируют ее¹¹.

Следует отметить, что в посткоммунистических странах сложились различные модели взаимоотношений между государством и гражданским обществом. Симметричная модель складывается в ситуации, при которой все гражданские ассоциации и государство слабы (такой тип социального устройства еще называют «анархическим»¹²). Примером данной модели может служить современная Киргизия.

Асимметричная модель может быть представлена в двух основных вариантах¹³. Вариант первый – господство сильного государства над подчиненными ему социальными структурами (Беларусь). Интересно, что в ряде демократических стран государство выступает в качестве наиболее сильной социальной организации. Это происходит в тех случаях, когда вследствие серьезных социальных потрясений негосударственные структуры теряют контроль над обществом, а государство «перехватывает инициативу» и консолидирует свою власть над обществом (Россия). Второй вариант – сосуществование слабого государства с сильными гражданскими ассоциациями.

⁹ См.: Diamond L. Rethinking Civil Society: Toward Democratic Consolidation // Journal of Democracy. 1994. Vol. 5. № 3. P. 4-17; Siliman G. Organizing for Democracy: NGOs, Civil Society, and the Philippine State. Quezon City, 1998. P. 18-19.

¹⁰ Шмиттер Ф. Процесс демократического транзита и консолидации демократии // Полис. 1999. № 3. С. 32.

¹¹ Горбатов С.А. Гражданское общество: концептуальные основы и проблемы политической практики в условиях глобализации // Институт государства и гражданское общество: модели взаимодействия: сб. науч. трудов / Под ред. д-ра полит. наук Д.Н. Нечаева. Воронеж, 2005. С. 50.

¹² См.: Кин Д. Демократия и гражданское общество. М., 2001.

¹³ Нечаев Д.Н. Гражданское общество: концепции и модели взаимодействия // Институт государства и гражданское общество: модели взаимодействия: сб. науч. трудов/Под ред. д-ра полит. наук Д.Н. Нечаева. Воронеж, 2005. С. 18-19.

циями. Здесь неэффективное государство теряет монополию на социальный контроль, его функции присваиваются негосударственными социальными структурами, выталкивающими слабое государство на обочину общественной жизни (Украина).

Объясняя причины выбора и реализации транзитивными странами той или модели взаимоотношений гражданского общества и государства, И.А. Василенко указывает на различие стратегий их развития. Речь идет о стратегиях «длинного пути» (постепенного формирования и наращивания структур, поддерживающих демократический способ осуществления власти) и «демократического прорыва» (резкого скачка в развитии). В случае «демократического прорыва» и связанной с ним «шоковой терапией» роль государства минимизировалась, тогда как осуществление преобразований в соответствии со стратегией «длинного пути» предполагало сохранение традиций и постепенные эволюционные изменения в обществе¹⁴. В связи с этим одной из проблем, с которой столкнулись посткоммунистические страны, является недостаточное развитие способностей к самоорганизации общества, связанное с формированием социального капитала у его представителей. Проявлением этой проблемы выступают нередко дисфункциональность партий, нестабильность партийных систем и, как следствие, «навязанный консенсус».

Вместе с тем, «навязанный консенсус» может рассматриваться и как шаг на пути дальнейшей демократизации политического режима, как элемент «конвергенции элит». Можно провести некоторые параллели с «картелью тревоги» политического класса в Западной Германии, которая на протяжении десятилетий после неоднократной смены правящих коалиций по итогам выборов через механизм «конвергенции элит» постепенно переросла в нормативно понимаемый демократический консенсус¹⁵.

Обобщив различные точки зрения относительно основных типов партийной консолидации на посткоммунистическом пространстве, можно выделить систему показателей, анализ которых позволяет осуществить комплексное исследование данной проблемы:

- исторический контекст;
- фрагментация/дефрагментация партийной системы;
- электоральная неустойчивости;
- минимизация экстремистских настроений;
- структура расколов;
- разделение территориального и функционального представительства интересов.

Развитие партийных систем посткоммунистических государств обусловлено сходством их исторических судеб. «В межвоенный период все страны Восточной и Южной Европы от Балкан до Балтики имели авторитарные режимы в виде президентских или монархических диктатур. Диктатуры 1920–1930-х годов в Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Венгрии, Словакии, Румынии, Болгарии, Албании, Югославии и Сербии имели много общего. При всем различии обстоятельств возникновения их объединяли национализм, отрицание либеральной демократии, антипарламентаризм, критическое отношение к политическим партиям и стремление к единоличной власти вождя (монарха, президента или военного диктатора). Целью этих режимов был поиск выхода из общеевропейского кризиса, утверждение и стабилизация национальной государственности. На все эти страны после Второй мировой войны была распространена советская модель номинального конституционализма, представленная сталинской конституцией 1936 г.» Во всех государствах наблюдался высокий уровень интеграции партийного и государственного аппарата: лидер партии стано-

¹⁴ Василенко И.А. Опыт общественно-политических трансформаций на постсоветском пространстве: «круглый стол» российских и польских ученых // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. 2005. № 2. С. 9–10.

¹⁵ Гельман В.Я. Второй электоральный цикл и трансформация политического режима в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.democracy.ru – Загл. с экрана.

вился и главой государства. Возглавляя оба аппарата - партийный и государственный, - он действовал в основном через первый. Конституция, законы и выборы играли «декоративную роль»¹⁶.

Механизм реформирования однопартийной системы предполагал целенаправленное противопоставление партийных и государственных (советских) структур, а также создание института сильной президентской власти, выступавшей в роли арбитра между ними. Характерно, что инициатором реформ выступала партийная элита, стремившаяся в новых условиях сохранить господство, опираясь на институт президентализма. Президент во всех случаях избирался первоначально парламентом (часто его прежним номенклатурным составом, избранным в период господства коммунистов), и лишь позднее осуществлялся переход к прямым выборам.

Различия в формировании новых партийных систем выражены в особенностях трех институциональных переменных: политико-правового закрепления границ национального государства; выбора формы правления; формирования избирательной системы.

Последняя волна демократизации отличается от предшествующих обострением проблем национализма и наличием сепаратистских тенденций, которые выражались преимущественно в двух формах: сессии - выделении региона или его части с образованием нового государства (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье); и ирредентизме, т.е. стремлении этноса-ирредента/разделенного народа к воссоединению с проживающей по другую сторону границы этнической общностью, которая во многих случаях является титульным для сопредельного государства этносом (Косово, Албания). Только у пяти из девятнадцати посткоммунистических стран границы в 1990-х годах совпадали с границами старых национальных государств (Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, Албания). Все другие страны в начале демократизации были неконсолидированными продуктами распада трех федераций (Советского Союза, Чехословакии, Югославии)¹⁷. «Национальный вопрос в регионах, ищущих свою идентичность таких, как Босния и Герцеговина, заходил настолько далеко, что результаты выборов во многом дублировали этнический состав населения. Все этнические группы голосовали в подавляющем большинстве за свои этнические партии»¹⁸.

Вторая институциональная переменная, определяющая особенности партийного строительства в посткоммунистических странах, - это выбор формы правления. Основная дилемма институционального определения заключалась в выборе между президентской и парламентской системами. На начальных этапах транзита, в условиях сильной фрагментации партийных систем, неготовности большинства политических партий к работе в коалиционном правительстве (что наглядно показал опыт Польши в период 1989-1993 гг.) доминировали гибридные или президентские формы правления, которые на тот момент были стабильнее и эффективнее, чем парламентские.

В процессе демократизации по мере того, как менялось соотношение сил демократической оппозиции и правящей элиты прежнего режима, корректировались и формы правления. В тех странах, в которых представители номенклатуры или посткоммунистические партии-преемницы имели более сильные властные позиции, чем демократическая оппозиция, системообразующий статус приобрел институт

¹⁶ См.: Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 г. // Российская история. 2007. № 6. С. 3 - 27.

¹⁷ См.: Большаков А.Г. Этнические вооруженные конфликты посткоммунистических государств европейской периферии / А.Г. Большаков. Казань, 2009; Флере С. Причины распада бывшей Югославии: взгляд социолога // Социс. 2003. № 5. С. 52-61; Жидких В.А. Федерализм как форма государственного устройства // Власть. 2009. № 5. С. 56-59; Романенко С.А. История и истории в межэтнических конфликтах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ecsoman.edu.ru/images/pubs/2004/09/23/0000177768/007Romanenko.pdf>.

¹⁸ Дуткевич П. Вызовы демократизации: перспективы политической трансформации в Восточной Европе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2001. № 3. С. 57.

президентализма. Парламентская, парламентско-президентская или премьерско-президентская форма правления складывались в тех странах, в которых соотношение сил между демократической оппозицией и правящими элитами старого режима было либо равным (Венгрия) или однозначно в пользу оппозиции (Латвия, Литва, Эстония, Чехословакия).

Согласно позиции Х. Линца, для консолидации демократии наиболее предпочтительными являются парламентские формы правления. Парламентские выборы предоставляют множество альтернатив: формирование коалиционного правительства; открытое или скрытое сотрудничество правительства и оппозиции в законодательном процессе; надежды оппозиционных партий выиграть на следующих выборах (в особенности при центробежной партийной системе). Это снижает остроту разочарования проигравшего, сохраняет надежды на будущее, нередко дает возможность и проигравшим участвовать в отправлении власти¹⁹. Напротив, при президентской форме правления кандидат, набравший большинство голосов, получает на определенный промежуток времени контроль над исполнительной властью. Плебисцитарный характер выборов может дать президенту ощущение мандата, превышающего имеющуюся у него реальную поддержку. Кроме того, прямые выборы президента усиливают политическую поляризацию, придают политической конкуренции мажоритарный характер, способствуют персонализации политики, осложняют возникновение организованных дееспособных партий.

Вероятно, поэтому в подавляющем большинстве посткоммунистических стран сформировались парламентские или гибридные политические системы, реально основанные на принципе разделения властей, в которых власть президента конституционно ограничена. Это характерно даже для тех стран посткоммунистической Европы, в которых, как, например, в Польше, где в начале процесса демократизации президент обладал значительными полномочиями, которые затем были переданы парламенту или в Украине, элиты которой также осуществили переход к парламентской системе.

Выбор избирательной системы, является одним из институциональных факторов реализации различных типов партийной консолидации. Так, для номенклатуры, стремящейся сохранить свои властные позиции, более предпочтительной была мажоритарная избирательная система в сочетании с президентской или президентско-парламентской формой правления. Система большинства позволяла ей более эффективно использовать имеющиеся в наличии ресурсы. «Поэтому на парламентских выборах в 1989 - 1990-х гг. в ряде стран Восточной Европы были приняты системы абсолютного большинства (Белоруссия, Македония, Украина) или относительного большинства (Литва, Молдавия), которые в последующем трансформировались в пропорциональную избирательную систему»²⁰. Для демократической оппозиции, напротив, более предпочтительным был выбор пропорциональной системы, институционально разрушающей монополию одной партии и коалиции правящих партий на власть, что способствовало дальнейшему развитию политических расколов, а значит и многопартийности, особенно в сочетании с парламентской формой правления.

Важным показателем дифференциации типов консолидации партийных систем на посткоммунистическом пространстве является минимизация экстремистских настроений²¹. Следует подчеркнуть, что экстремистский потенциал партийных систем стран ЦВЕ не превышают показатели Германии и других развитых государств.

¹⁹ См.: Линц Х. Опасности президентализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: old.russ.ru/antolog/.../2-3/dem14.htm. – Загл. с экрана.

²⁰ Митева Л.Д. Развитие партийных систем в странах Центральной Восточной Европы в переходный период (сравнительный анализ) // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 6. С. 49.

²¹ См.: Байме К. фон. Партии в процессе демократической консолидации // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей / Ред.-сост. П. Штынов. Т. 2. Постсоциалистические трансформации в сравнительной перспективе. 2003. С. 64 - 101.

Дестабилизирующий потенциал может быть оценен только при включении в анализ коалиционного ландшафта. Например, в Болгарии, где имеются лишь три партии, турки, этническая партия которых получала на выборах 5 - 6 % голосов, оказываются более значимыми, чем националистическая партия с 10 % голосов во фрагментированном многопартийном парламенте Польши.

Для комплексного анализа процессов партийной консолидации целесообразно рассмотреть основные социальные и политические расколы. На первых этапах транзита приоритетное значение имели территориальные и культурные расколы. Именно они, актуализированные политической оппозицией, позволили сформировать представления о последующих общественных изменениях как о процессах восстановления сильной государственности и возвращения к основам европейской цивилизации. Меньшее распространение получили социально - экономические расколы («капитал - труд»), что вполне соответствует модели С. Роккана, в которой выделена определенная последовательность расколов: от территориально- культурных, нацио- и государство-образующих к социально-экономическим²². В некоторых странах, например, в Чехии или Польше, расколы имели более четкую определенность. Это способствовало формированию более устойчивых и менее фрагментированных партийных систем.

Отсутствие дифференцированной структуры групповых интересов представляет сильную нагрузку для партий в фазе консолидации. В странах ЦВЕ общественная активность концентрируется преимущественно на борьбе между парламентскими партиями, тогда как другие субъекты политической жизни не имеют такого потенциала влияния. В результате, по определению В. Васовича, имеет место «чрезмерная парламентаризация» и «сверхпартизация»²³. Негативным опытом в данном отношении обладает Польша, где функционировали такие карликовые партии, как «Польская экономическая программа», различные бизнес-списки, за которыми скрывались функциональные интересы, способствовавшие фрагментации партийной системы. Наиболее сильная связь между партиями и заинтересованными группами среди посткоммунистических стран оказалась в Венгрии. Она воспроизвела модель развитых западноевропейских государств (например, Христианско-демократическая партия сформировала целый ряд субкультурных организаций).

Уровень политической фрагментации в посткоммунистических странах периода транзита оставался достаточно высоким по сравнению с западноевропейскими показателями. Несмотря на это, в некоторых странах коалиционная политика партий носила прогрессивный характер. Так, в Венгрии, еще в 1994 г. произошло образование коалиции из левой (Венгерская социалистическая партия) и правой (Союз свободных демократов) партий, что явилось революционным шагом в политике того времени, так как в восточноевропейских странах борьба между левыми и правыми в те годы приняла форму антагонистического конфликта. При этом, следует учитывать, что в фазе консолидации демократии не наблюдается прямая зависимость между электоральной устойчивостью и партийной консолидацией. В свое время болгарская система с тремя релевантными партиями показывала наименьшую электоральную неустойчивость, но отсутствие массовых колебаний голосов было недостаточным условием консолидационного процесса, так как создание коалиции осуществлялось по традиционным образцам и нормам.

Итак, можно отметить, что ни одна из стран ЦВЕ не отвечает всем критериям партийной консолидации. Данные государства пока еще не могут рассматриваться в

²² Елисеев С.М. Социальные и политические расколы, институциональные предпосылки и условия консолидации партийных систем в период демократического транзита // Политическая наука. 2005. № 3. С. 64.

²³ См.: Васович В. Переход к демократии в посткоммунистических странах (Парадоксы перехода - демократизации) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1998. № 2-3. С. 19-48.

контексте западноевропейской традиции. «Специфика политических процессов в странах восточноевропейского региона в значительной степени определяется низким уровнем политизации населения, противоречивостью и сложностью демократизации политической системы, не говоря уже об аналогичных тенденциях в становлении гражданского общества»²⁴.

Однако, следует отметить, что государства, согласно периодизации С. Хантингтона, относящиеся к «третьей волне демократизации», можно подразделить на три региона: центрально-европейский, балканский и российский. Наиболее передовым среди них по показателям партийной консолидации, является первый, хотя государства данного региона несмотря на значительные и неоспоримые достижения (Чехия, Венгрия, Польша), не соответствуют всем требованиям, предъявляемым к консолидированной партийной системе. Балканский регион, является промежуточным и содержит в себе как черты центрально-европейского, так и не в полной мере развитого российского. Отставание последнего объясняется целым рядом критериев, среди которых одно из центральных мест занимает специфика становления современной российской многопартийности.

Однако следует отметить, что некоторые страны, например Чехия, Болгария, Румыния, Словакия имеют определенные параллели со странами Западной Европы. Следовательно, наблюдается движение в направлении консолидации - общие признаки стабилизации новых институтов и отношений в государствах данного региона прослеживаются достаточно определенно. Свободные выборы проводятся регулярно, крупнейшие партии сменяют друг друга, партийные системы стабилизируются по количеству и качеству партий. В этом смысле Венгрия является лидером демократического транзита, так как либерализация режима началась на 20 лет раньше. «С середины 90-х годов в политике венгерских партий становилась очевиднее преемственность в ходе их чередования у власти, а, следовательно, и сближение их позиций по текущим проблемам, что контрастировало с жесткой поляризацией политического пространства в других странах этого региона»²⁵. Влиятельность либерально-космополитических сил в период реформ; широкие коалиции центристских партий лево-правого толка; практики сотрудничества между партиями позволили Венгрии первой войти в фазу демократической консолидации.

Результативность демократического транзита также достигнута в Польше. Там начало институционализации и легитимации партийной системы положили «круглый стол» 1989 г. и организованные летом того же года учредительные выборы. Основные «правила игры» были, таким образом, установлены, хотя исполнялись еще непоследовательно. В следующие два-три года ситуация улучшилась. Уже в 1993 г. оппозиция взяла власть, а силы, правившие до тех пор, стали оппозицией. Ведущие политические акторы приняли новые «правила игры», какие бы последствия они не влекли за собой в тактическом плане. «Солидарность» уступила власть посткоммунистическим силам, признав результаты выборов справедливыми. Вторым ключевым моментом институционализации и легитимации системы был 1997 г., когда по результатам выборов посткоммунистические силы передали власть «Электоральной акции Солидарность» (ЭАС) и Союзу Свободы. На этом основании, можно сделать вывод, что примерно к 1997 г. демократическая процедура стала единственно стабильным и значимым путем легитимации режима, или, используя терминологию Х. Линца и А. Степана, демократические правила стали «единственной игрой в городе». Институционализация партийной системы в Польше шла трудно и сопровождалась высоким накалом борьбы правых и левых, поляризацией всего общества, однако ее

²⁴ Яжборовская И.С. Специфика трансформаций в Центрально-Восточной Европе // Полис. 1999. № 3. С. 46.

²⁵ Дуткевич П. Вызовы демократизации: перспективы политической трансформации в Восточной Европе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2001. № 3. С. 61.

«партийная система на сегодняшний момент является представительной и открытой для широких кругов общества, быстро стабилизируется и обогащается обновленными и компетентными партийно-управленческими кадрами»²⁶.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Балканских странах парламентаризация политической жизни резко снижена: парламенты ослаблены, недостаточно авторитетны и мало эффективны. Партии предпочитают действовать вне парламента, поскольку недостаточно адаптированы к требованиям парламентской демократии. Правящие партии не хотят делить власть с другими политическими силами, а оппозиционные партии - смириться с результатами выборов и действовать в строгом соответствии с парламентской процедурой. И неразвитость внутрипартийной демократии, и «вождистский» характер многих партий, и предельно низкий уровень доверия к ним в обществе показывают, что консолидация несовершенной партийной системы достаточно условна²⁷. Анализируя ситуацию в Румынии, исследователи связывают ее с сохранением идеологии, структур и институтов старого режима, а также наиболее сильного для посткоммунистических стран отчуждения политической и интеллектуальной элит от населения. Конституционализм носит мнимый характер. В целом румынский политический режим все более тяготеет к плебисцитарной демократии, в которой некоторые исследователи усматривают своеобразный восточноевропейский аналог латиноамериканских режимов с сильно выраженными харизматическими чертами лидерства. Они говорят даже о «румынском перонизме»²⁸.

Относительно России, сложно сделать подобный вывод. Существует несколько специфических черт российской партийной системы, отсутствующих в странах Восточной Европы. Первым и наиболее явным отличием, является форма «навязанного» российского перехода в противовес «пактовому» характеру восточноевропейских трансформаций, а также наличие так называемых «круглых столов». Во-вторых, российская действительность отличалась до 2003 г. крайне высоким уровнем фрагментации: во всех сегментах российского электорального рынка имело место большое количество предложений, а также высокий уровень электоральной неустойчивости. В-третьих, в российской политике, как на общенациональном, так и, в особенности, на региональном уровнях наряду с партиями весьма важную роль играли непартийные кандидаты, опиравшиеся не на партийную поддержку, а на иные ресурсы (в основном, на региональные и/или секторальные заинтересованные группы)²⁹. Еще одной особенностью явилось огромное влияние и сила неформальных институтов на фоне - «слабости политических партий, их малой вовлеченности в процесс консолидации и неспособность самим сосредоточиться и упрочиться»³⁰.

Таким образом, существенной характеристикой функционирования политических систем стран посткоммунистического пространства является сложносоставной, неравномерный, несбалансированный процесс консолидации демократии, неотъемлемой частью которого выступает партийная консолидация. Характеризуя опыт состоявшихся демократических транзитов в странах Вышеградской группы, Балтийского и Балканского субрегионов Европы, следует отметить, что в них сложился органичный тип партийной консолидации, связанный с необходимым набором институциональных и процедурных предпосылок.

²⁶ Митева Л.Д. Развитие партийных систем в странах Центральной Восточной Европы в переходный период (сравнительный анализ) // Вестник Московского Университета. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 6. С. 41.

²⁷ Кандель П.Е. Балканизация Европы vs «европеизация» Балкан // Россия в глобальной политике. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/32/9773.html>. - Загл. с экрана.

²⁸ Медушевский, А.Н. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.knowledge.isras.ru/sj/sj/2004-34-5.html>. - Загл. с экрана.

²⁹ Гельман В.Я. Трансформация российской партийной системы: монополизация политического рынка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elis.pstu.ru/gelman2.htm>. - Загл. с экрана

³⁰ Шмиттер Ф. Процессы демократического транзита и консолидации демократии // Полис. 1999. № 3. С. 32.

Неорганические типы партийной консолидации встречаются в странах, где транзит не завершен или безуспешен. В условиях ограничивающих возможности сохранения демократического вектора, основой для партийной консолидации является не столько интеграция элит вокруг демократических ценностей, сколько их стремление обеспечить воспроизводство властного статуса в рамках сложившейся политической системы.

Значение партийной консолидации меняется по мере прохождения тех или иных этапов транзита. Являясь существенным показателем институционализации демократии на начальных этапах транзита, партийная консолидация не так важна в ситуации достижения демократической консолидации, потому что политическая система способна воспроизводиться в условиях повышенной рискогенности и нестабильности развития.

К числу важнейших факторов развития института политической партий следует отнести исторический контекст, фрагментацию/дефрагментацию партийной системы, электоральную неустойчивость, минимизацию экстремистских настроений, структуру расколов, разделение территориального и функционального представительства интересов и др. Изучение процессов демократического транзита в посткоммунистических странах в сравнительной перспективе выявило три типа структурирования партийных систем: центрально-европейский, балканский и российский.

В посткоммунистической России сложилась партийная консолидация неорганического типа, связанная с существованием системы «навязанного консенсуса», определенным ограничением конкуренции в обмен на гарантии сохранения властных статусов и ресурсов. Этой системе соответствует моноцентрический политический режим, в котором базовым институтом воспроизводства политической системы является институт президентализма.

MAIN TYPES OF PARTY CONSOLIDATION ON THE POST-COMMUNIST SPACE

E.V. BRODOVSKAY
M.A. VARFOLOMEEV

Tula State University

e-mail:brodovskay@inbox.ru

e-mail:

max-varfolomeev@yandex.ru

Attention is accented in article on difficulties of the democratic processes and particularities of the shaping institutions structures society, where necessary factor of the achievement to consolidation to democracies is a discourse transitive type of the political systems. Special importance is spared consolidations potential party элит as one of the structured component of the process to consolidation to democracies, where operating the mode of the hybrid type in essential measure is conditioned limitations mechanism reproducing the political system.

Key words: consolidation society, transitive way developments, public consent, discourse of political elite.